

**Отчет о 16-м присуждении наград графа
Уварова**

25 сентября 1873

УДК 304
ББК 60.5
О-88

О-88 Отчет о 16-м присуждении наград графа Уварова: 25 сентября 1873 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 232 с.

ISBN 978-5-4241-8491-8

ISBN 978-5-4241-8491-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ШЕСТНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1878 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Въ настоящемъ году, въ соисканіи Уваровскихъ наградъ участвовало двѣнадцать сочиненій, въ томъ числѣ 11 историческихъ и одно драматическое. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Конференціею Академіи были назначены двѣ Коммисіи, драматическая и историческая, состоявшія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, каждая изъ семи членовъ *).

Драматическая Коммисія, ознакомившись съ подлежавшею ея суду пьесой, поручила ближайшее ея разсмотрѣніе одному изъ своихъ членовъ, и по выслушаніи составленной имъ рецензіи, единогласно признала, что въ настоящемъ году нѣтъ повода къ присужденію Уваровской преміи за драматическое сочиненіе.

Историческая Коммисія, по предварительномъ просмотрѣ переданныхъ на ея судъ трудовъ, избрала для каждаго изъ нихъ ре-

---

*) Членами драматической Коммисіи были Академики А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ, А. А. Куникъ, В. П. Безобразовъ, А. М. Бутлеровъ и М. И. Сухомлиновъ. Въ послѣдствіи, по отсутствію гг. Бутлерова и Безобразова изъ Петербурга, ихъ мѣсто въ составѣ Коммисіи занимали Академики М. И. Броссе и Кокшаровъ.

Историческая Коммисія состояла изъ Академиковъ М. И. Броссе, А. В. Никитенко, Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, А. А. Шифнера и М. И. Сухомлинова.

цензентовъ, отчасти изъ своей среды, отчасти изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить ей подробные разборы къ назначенному для того сроку. По истеченіи этого срока, Комиссія признала необходимымъ бдно сочиненіе отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, по той причинѣ, что рецензія этого сочиненія не была доставлена тѣмъ лицомъ, которое приняло на себя ея составленіе.

Затѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи сравнительнаго достоинства прочихъ десяти историческихъ сочиненій, Комиссія положила семь изъ нихъ удостоить *меньшихъ* наградъ (въ 500 руб. каждая).

I.

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Сочиненіе профессора здѣшняго университета А. Веселовскаго. Спб. 1872 г.

Подробный разборъ этого сочиненія былъ составленъ Академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Разрабатывая любопытный вопросъ о литературномъ общеніи Востока и Запада, авторъ занялся однимъ изъ крупныхъ фактовъ этого общенія, переходомъ восточныхъ преданій о Викрамадитьи, Джемшидѣ и Асмодеѣ, чрезъ посредство талмудическихъ легендъ о Соломонѣ и византійско-славянскихъ апокрифовъ и повѣстей о Соломонѣ и Китоврасѣ, въ западныя сказанія о Морольфѣ и Мерлинѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что еще Бенфей указалъ на нѣкоторыя точки соприкосновенія между легендарнымъ Соломономъ и Викрамадитьею, что Ю. Браунъ писалъ о переходѣ мнѣйческаго Джемшида въ историческаго Соломона у мусульманъ, что г. Пыпинъ сближалъ нашъ апокрифъ съ нѣмецкимъ сказаніемъ о Соломонѣ и Морольфѣ, и что, наконецъ, въ трудахъ Валентина Шмидта, еще въ 1817 году, мы находимъ сближеніе Китовраса не только съ сатиромъ или силеномъ фригійскаго Мидаса, но и съ Мерлиномъ. Тѣмъ неменѣе, заслуга г. Веселовскаго въ разработкѣ этого предмета, по признанію рецензента, не подлежитъ сомнѣнію: онъ не только воспользовался всѣмъ тѣмъ, что было до него сдѣлано въ литературѣ по этому вопросу, и привелъ въ стройное цѣлое отрывочныя наблюденія и соображенія другихъ писателей, но и обогатилъ свою книгу многими новыми данными помощью такихъ самостоятельныхъ изслѣдованій, которыя, закрѣпляя окончательно за византійско-славянскимъ апокри-

фомъ и западными сказаніями о Морольфѣ и Мерлинѣ ихъ литературное происхожденіе съ Востока, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ тому явленій въ области повѣствовательной литературы и народнаго эпоса вообще. Самостоятельность автора особенно выказалась въ счастливой мысли сдѣлать центромъ сравниваемыхъ памятниковъ, восточныхъ и западныхъ, именно славянскій апокрифъ, записанный въ палеяхъ и въ хронографахъ и развитый въ позднѣйшихъ повѣстяхъ, духовныхъ стихахъ и былинахъ, такъ что, по мнѣнію автора, Византія и юго-восточные славяне должны быть признаны въ данномъ случаѣ посредниками въ передачѣ литературнаго наслѣдія съ Востока къ западнымъ народамъ. Самый буддизмъ, которому Бенфей приписываетъ особенное значеніе въ разнесеніи по разнымъ странамъ древне-азіатскихъ оригиналовъ, уже переработанныхъ этимъ ученіемъ, получаетъ въ глазахъ автора новое значеніе: онъ полагаетъ, что буддійскія сказки, въ видѣ апокрифовъ, были распространяемы преимущественно еретическою пропагандою, шедшею изъ Византія и отъ южныхъ славянъ въ Сѣверную Италію и Южную Францію, такъ что масса апокрифовъ, вмѣстѣ въ ересь Манхеевъ, изъ Болгаріи, отъ тамошнихъ Богомиловъ, перешла къ Катарамъ, Патаренамъ, Альбигойцамъ и другимъ западнымъ сектантамъ, вслѣдствіе чего византійско-славянское сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ и должно было отразиться въ разсказахъ о Морольфѣ и Мерлинѣ. Тѣмъ же путемъ, по мнѣнію автора, распространился по Европѣ и знаменитый апокрифъ о Крестномъ Древѣ. Какъ на представителей этого литературнаго общенія на Руси, онъ указываетъ на калнкъ переходящихъ: «вмѣстѣ съ платьемъ византійскаго покроя и еретическими ученіями Юга, говоритъ онъ, калики приносили съ собою память о путяхъ, которыми проходили въ Россію».

Обращаясь къ ближайшей оцѣнкѣ труда г. Веселовскаго, рецензентъ сначала разсматриваетъ основную мысль объ еретической пропагандѣ, проведенную во всей книгѣ; затѣмъ останавливается на частныхъ изслѣдованіяхъ автора относительно отдѣльныхъ вопросовъ по народной поэзіи, миеологіи, двоевѣрію и литературному и вообще бытовому общенію, и наконецъ выражаетъ свое сужденіе какъ о самой теоріи, такъ и о методѣ, которыхъ держался авторъ.

Съ многими изъ положеній, высказанныхъ авторомъ относительно еретической пропаганды апокрифовъ, г. Буслаевъ считаетъ невозможнымъ согласиться. Онъ находитъ, что нельзя

выводить заключенія о прикосновенности къ ереси какого-либо преданія въ христіанскомъ мірѣ на томъ только основаніи, что это преданіе носитъ на себѣ несомнѣнный признакъ буддизма. Это съ полной очевидностью доказываетъ, на примѣръ, исторія о Варлаамѣ и Іосафѣ-царевичѣ, усвоенная церквами Востока и Запада, и которую г. Буслаевъ считаетъ лишь переложеніемъ житія самаго Будды на христіанскія имена и понятія. Такъ какъ нѣкоторыя ереси могли принять въ свое ученіе нѣчто изъ апокрифовъ, то, по мнѣнію рецензента, это не подтверждаетъ мысли г. Веселовскаго, что апокрифъ и поддерживался, и распространялся путемъ еретической пропаганды. Если принять въ соображеніе, что апокрифы вмѣстѣ съ ересями шли съ Востока на Западъ, то, имѣя въ виду теорію еретической пропаганды апокрифовъ, нельзя, по мнѣнію г. Буслаева, признать болгарскихъ Богомиловъ главными посредниками этой пропаганды; онъ полагаетъ, что Западная Европа и до того времени знала апокрифы и разработывала въ литературѣ и искусствѣ тѣже идеи, которыя были потомъ усвоены и тѣми апокрифами, которые авторъ производитъ изъ Болгаріи. Задавшись мыслью о распространеніи на Западѣ буддійскаго ученія чрезъ посредство богомильскихъ апокрифовъ, онъ придаетъ, по словамъ рецензента, слишкомъ мало значенія другимъ элементамъ литературы и искусства, вошедшимъ въ такъ называемое двоевѣріе древне-христіанской и средне-вѣковой жизни.

Кромѣ того г. Буслаевъ замѣчаетъ, что самыя ереси на Востокѣ, и особенно на Западѣ, свидѣтельствуютъ въ пользу религіозной терпимости господствующаго исповѣданія къ нѣкоторымъ изъ апокрифовъ, которымъ авторъ приписываетъ преимущественное значеніе ереси, между тѣмъ какъ защитники церковной догмы, становясь на сторону апокрифовъ, тѣмъ самымъ противорѣчатъ теоріи этого ученія. Наконецъ, рецензентъ находитъ, что г. Веселовскій смѣшалъ нѣкоторыя изъ воззрѣній, понятій и приемовъ вообще древне-христіанскихъ и средне-вѣковыхъ съ воззрѣніями, понятіями и приемами еретическими, и такимъ образомъ, принявъ общее за частное, отнесъ къ ереси то, что было общею принадлежностью времени. Разбирая логическіе приемы и способы, какими авторъ пользуется для проведенія своей теоріи объ еретической пропагандѣ апокрифовъ, г. Буслаевъ признаетъ, что эта теорія, въ сочиненіи г. Веселовскаго, является довольно стройнымъ цѣлымъ, на первый взглядъ нелишеннымъ убѣдительности, потому что одно звено сцѣпляется съ

другимъ, еретичество одного апокрифа или сказанія подкрѣпляется и усиливается еретичествомъ другаго: тѣмъ не менѣе, не смотря на все искусство автора въ спѣшеніи этихъ звеньевъ, если подвергнуть пробѣ каждое изъ нихъ въ отдѣльности, хрупкость каждаго изъ нихъ далеко не служитъ ручательствомъ за прочность всей цѣпи. Авторъ постоянно только и дѣлаетъ, что предполагаетъ, и подъ условіемъ допуская одно предположеніе, выводитъ изъ него другое, и т. д., или дѣлаетъ нерѣшительный вопросъ, и отвѣчая на него нерѣшительнымъ отвѣтомъ, выводитъ изъ такихъ колеблющихся посылокъ заключеніе, которое въ свою очередь служитъ основаніемъ для другихъ предположеній и доводовъ.

Наблюденія и замѣчанія автора о разныхъ подробностяхъ въ содержаніи нашихъ былинъ, духовныхъ стиховъ и другихъ памятниковъ литературы, по отзыву г. Буслаева, бросаютъ новый свѣтъ на кругъ понятій и свѣдѣній нашихъ предковъ и старинныхъ пѣвцовъ въ особенности, и указываютъ на новые элементы въ самомъ составѣ народнаго эпоса. Въ этомъ отношеніи книга г. Веселовскаго, по отзыву рецензента, отличается такою силою и свѣжестью, что не только убѣждаетъ въ томъ, что предлагается на ея страницахъ, но и, какъ это бываетъ со всякимъ капитальнымъ явленіемъ въ литературѣ, воодушевляетъ читателя, и вызываетъ его къ новымъ соображеніямъ въ области тѣхъ вопросовъ, которые столь плодотворно разработаны въ ней.

Что касается до метода, котораго авторъ держался въ своемъ изслѣдованіи, то г. Буслаевъ не скрываетъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ этомъ методѣ, предварительно замѣчая, что отъ нихъ не уменьшается достоинство сочиненія, такъ какъ они зависятъ частью отъ еще неустановившихся основаній самой науки, а частью отъ разнородныхъ частныхъ, введенныхъ въ изслѣдованіе и съ трудомъ совмѣстимыхъ въ одномъ и томъ же изслѣдователѣ. Главные изъ этихъ недостатковъ рецензентъ видитъ въ слѣдующемъ:

1) Авторъ, въ предисловіи къ своему сочиненію, извѣщаетъ въ томъ, что ему нерѣдко приходилось вдаваться въ чуждую для него область ориентализма; но сравнительная наука, уже по самому существу своему, не только извиняется, но и обязываетъ изслѣдователей пользоваться результатами, добытыми различными специалистами. Только въ этомъ случаѣ необходима строгая сдержанность, чтобы не перейти за черту, въ точности отмѣченную чужою спеціальностью. Авторъ не всегда соблюдаетъ эту сдержанность,

какъ напримѣръ въ вопросѣ о редакціяхъ сказаній, и иногда оказывается не въ силахъ самостоятельно относиться къ восточнымъ текстамъ.

2) Вполнѣ предаваясь теоріи литературнаго заимствованія, онъ недостаточно пользуется, когда слѣдуетъ, средствами лингвистики и не всегда умѣетъ владѣть ими.

3) Еще менѣе удачно пользуется онъ иконографіей, къ указаніямъ которой нерѣдко слѣдовало бы ему прибѣгать при разработкѣ вопроса объ отношеніи апокрифовъ къ ереси.

Въ заключеніе своей рецензіи г. Буслаевъ утверждаетъ, что не смотря на указанныя имъ слабыя стороны и нѣкоторые пробѣлы, неизбежныя во всякомъ трудѣ по сравнительному изученію быта и поэзіи, сочиненіе г. Веселовскаго должно быть причислено къ капитальнымъ приобрѣтеніямъ нашей ученой литературы. Это — безспорно самый лучший изъ всѣхъ опытовъ, какіе только были сдѣланы на русскомъ языкѣ по приложенію Бенфеевой теоріи литературнаго заимствованія къ разработкѣ русскихъ источниковъ, въ ихъ связи съ поэтическими преданіями Западной Европы.

II.

Номоканонъ при Большомъ Трѣбникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ и съ примѣчаніями издателя. А. Павловъ. Одесса. 1872.

Рецензія этого сочиненія была, по приглашенію Академіи, составлена, профессоромъ здѣшняго университета о. М. Горчаковымъ, которому его труды по исторіи русскаго церковнаго законодательства пріобрѣли право голоса при оцѣнкѣ сочиненій, относящихся къ этой специальности. Сущность мнѣнія рецензента состоитъ въ слѣдующемъ:

Номоканонъ, изслѣдованію котораго посвящена книга г. Павлова, болѣе 250 лѣтъ употребляется въ Русской церкви, какъ источникъ дѣйствующаго церковнаго права; болѣе 200 лѣтъ онъ помѣщается при одной изъ употребительнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ, какъ необходимая составная часть ея; имъ обязаны руководствоваться всѣ священники Русской церкви при отправленіи пастырскихъ обязанностей; на его статьяхъ основываются судебныя рѣшенія и опредѣленія церковно-правительственныхъ учреждений; съ нимъ неизбежна встрѣча и при научномъ изученіи источниковъ и содержанія дѣйствующаго права Русской церкви. И не

смотря на столь обширное, долговременное и многостороннее практическое значеніе этого Номоканона, его каноническое достоинство и его исторія до сихъ поръ не были изслѣдованы наукою, и самое изученіе его встрѣчало многія препятствія, казавшіяся неодолимыми. Сочиненіе г. Павлова есть первый научный трудъ объ этомъ предметѣ, во многихъ отношеніяхъ разъясняющій историко-каноническое значеніе и внѣшнюю судьбу сказаннаго памятника и устраняющій нѣкоторыя изъ главныхъ затрудненій при его изученіи.

Важнѣйшимъ препятствіемъ для научнаго опредѣленія историко-каноническаго достоинства Номоканона при Большомъ Требникѣ была неизвѣстность его происхожденія. Не подлежало сомнѣнію, что это происхожденіе — греческое; но греческій его подлинникъ до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ и неотысканъ. Между тѣмъ оказывалась крайняя необходимость имѣть этотъ подлинникъ для разъясненія многихъ сторонъ его славянскаго перевода. Поэтому Св. Синодъ, по поводу возникшихъ въ его дѣлахъ сомнѣній относительно каноническаго достоинства Номоканона, еще въ прошломъ столѣтіи, не разъ поручалъ нѣкоторымъ ученымъ того времени «освидѣтельствовать Номоканонъ» и предписывалъ разнымъ церковнымъ учрежденіямъ и властямъ отыскать его греческій подлинникъ. Но порученія и предписанія Св. Синода по этому предмету не имѣли успѣха, и официальное положеніе вопроса о Номоканонѣ до настоящаго времени оставалось то же, что и въ XVIII вѣкѣ. То, о чемъ столь долго и напрасно заботилась церковная власть, удалось исполнить г. Павлову: онъ отыскалъ греческій текстъ Номоканона, не вслѣдствіе официального порученія, а благодаря своимъ ученымъ занятіямъ. Въ этой важной находкѣ состоитъ его заслуга не только передъ церковно-правительственною властью, но и передъ наукою. Приэтомъ должно замѣтить, что эта находка не была дѣломъ случая: она представляется результатомъ подробнаго и внимательнаго изученія исторіи источниковъ церковнаго права, труда долговременнаго, настойчиваго и систематическаго, направленнаго къ одной цѣли—пополнить пробѣлы, существующіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ, относящихся до источниковъ церковнаго права.

Сдѣлавъ столь важную находку, г. Павловъ, для удобнѣйшаго сравненія греческаго подлинника съ его славянскимъ переводомъ, счелъ полезнымъ издать первый параллельно со вторымъ; но при этомъ не оставилъ греческаго текста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится въ открытомъ имъ спискѣ, а сличилъ этотъ текстъ съ

двумя рукописными греческими сборниками Малаксы и съ первоначальными источниками, изъ которыхъ заимствовано содержаніе статей Номоканона, и то, чего не доставало въ нѣкоторыхъ статьяхъ подлинника противъ славянской редакціи, восполнилъ при помощи другихъ памятниковъ церковнаго права. При многихъ статьяхъ онъ привелъ разныя чтенія и редакціи по сборникамъ Малаксы, сравнилъ нѣкоторыя статьи съ первоначальными источниками; всѣ статьи списка расположилъ по порядку славянскаго Номоканона и сверхъ того возстановилъ правильность чтенія своего списка устраненіемъ ошибокъ и неправильностей, сдѣланныхъ стариннымъ писцемъ. Наконецъ, г. Павловъ остановилъ свое вниманіе и на томъ обстоятельстве, что славянскій переводъ Номоканона въ XVIII столѣтіи подвергался въ разныхъ изданіяхъ перемѣнамъ, и что вслѣдствіе того оказывается между ними разность. Бѣольшую часть такихъ разностей, онъ отмѣтилъ въ своемъ изданіи, или въ примѣчаніяхъ къ нему. Въ этихъ отмѣткахъ наглядно представляется исторія и отдѣльныхъ статей Номоканона и отчасти цѣлаго ихъ состава.

Отдавая должную дань похвалы строго-научному приему, употребленному г. Павловымъ при изданіи текста и перевода, рецензентъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно полноты и точности этого изданія, и за тѣмъ переходитъ къ оцѣнкѣ примѣчаній, помѣщенныхъ издателемъ почти при каждой статьѣ Номоканона.

Главная цѣль и содержаніе этихъ примѣчаній, по свидѣтельству о. Горчакова, состоитъ въ указаніи первоисточниковъ, изъ которыхъ заимствованы статьи, и въ опредѣленіи каноническаго достоинства каждой изъ нихъ. Указаніе первоисточниковъ дѣлается авторомъ каждый разъ, когда подобнаго указанія не заключается въ самой статьѣ, причемъ онъ основывается на собственныхъ своихъ изслѣдованіяхъ объ изданныхъ и неизданныхъ памятникахъ церковнаго законодательства. Въ виду опредѣленія историко-каноническаго происхожденія и значенія каждой статьи въ отдѣльности, онъ сопоставляетъ ея содержаніе съ древними памятниками церковнаго права, а иногда излагаетъ исторію правила, содержащагося въ ней и послѣдовательно измѣнявшагося со времени его происхожденія до времени появленія въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено въ Номоканонъ; въ нѣкоторыхъ же примѣчаніяхъ г. Павловъ излагаетъ исторію русскаго церковнаго законодательства по содержанію статьи и послѣ принятія Номоканона въ нашей церкви. Нерѣдко

эти примѣчанія принимаютъ размѣръ довольно полныхъ ученыхъ трактатовъ, обнимающихъ собою предметы церковнаго права не только въ видахъ разъясненія текста и содержанія Номоканона и хода развитія этихъ предметовъ въ исторіи права, но и со стороны положенія ихъ въ дѣйствующемъ правѣ и со стороны различныхъ мнѣній по вопросамъ, касающимся до этихъ предметовъ. Особую же цѣну, по мнѣнію рецензента, должны имѣть для науки церковнаго права историческія указанія, научныя соображенія, разъясненія и мѣткія критическія замѣчанія автора о значеніи и степени вліянія духовнаго родства по отношенію къ браку. Вообще составленіе примѣчаній, столь многочисленныхъ, разнообразныхъ и важныхъ по содержанію, потребовало отъ автора тщательнаго и долговременнаго труда, осторожности и навыка въ ученой работѣ. При всемъ томъ авторъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ промаховъ и недосмотровъ, которые рецензентъ и указываетъ, считая ихъ впрочемъ легко исправимыми при новомъ изданіи книги.

Своему изданію, авторъ предпослалъ введеніе, обширное по объему и богатое по содержанію. Оно заключаетъ въ себѣ общее научное изслѣдованіе о каноническомъ значеніи, происхожденіи и исторической судьбѣ издаваемого имъ Номоканона — изслѣдованіе, которое въ частностяхъ и подробностяхъ подтверждается самымъ изданіемъ Номоканона и примѣчаніями къ нему, сопровождающими отдѣльныя статьи этого памятника. Въ концѣ введенія г. Павловъ объясняетъ цѣль своего изданія, описываетъ сборникъ, въ которомъ онъ отыскалъ греческій текстъ Номоканона, и излагаетъ правила, которыхъ онъ держался при изданіи этого текста.

Общее историко-каноническое значеніе Номоканона при Большомъ Требникѣ авторъ изслѣдовалъ на основаніи: 1) отношеній къ этому памятнику законодательства Русской церкви и практики Св. Синода, 2) исторіи его изданій въ Россіи, 3) разбора источниковъ, изъ которыхъ заимствовано его содержаніе и 4) исторіи его въ Греціи. Результатомъ этого изслѣдованія является положеніе автора, что Номоканонъ при Требникѣ, въ цѣломъ своемъ составѣ, не имѣетъ неизмѣнной практической важности. Разсматривая ту часть введенія, гдѣ авторъ разъясняетъ практическое значеніе Номоканона въ ряду источниковъ нынѣ дѣйствующаго права Русской церкви, на основаніи отношеній къ нему законодательства и практики Св. Синода, рецензентъ замѣчаетъ, что г. Павловъ воспользовался для этого историческими и юридическими фактами, изъ которыхъ многіе были до сихъ поръ неизвѣстны въ печати и извле-

чены имъ изъ большой массы протоколовъ и дѣлъ Св. Синода; съ опытностью и умѣньемъ ученаго изслѣдователя, г. Павловъ собралъ ихъ, очистилъ отъ сторонней примѣси и возвелъ на степень общихъ положеній, которыя становятся теперь достоянiемъ науки. Что касается до историческаго обзора изданiй Номоканона въ Россiи, то авторъ, въ заключенiе этого обзора, утверждаетъ, что съ 1659 г. до настоящаго времени Номоканонъ при Требникѣ печатается безъ малѣйшей перемѣны. Ту часть введенiя, въ которой разсматривается историко-каноническое значенiе Номоканона на основанiи разсмотрѣнiя его источниковъ, рецензентъ считаетъ одною изъ существенныхъ въ изслѣдованiи автора. Въ ней указаны наиболѣе твердыя основанiя для разъясненiя вопросовъ о достоинствѣ памятника; она состоитъ въ тѣсной связи съ отдѣльными примѣчанiями, помѣщенными при статьяхъ изданнаго Номоканона, и представляетъ, въ видѣ общихъ положенiй относительно его источниковъ, сводъ тѣхъ частныхъ и подробностей, которыя изложены въ примѣчанiяхъ. Въ ней авторъ излагаетъ любопытный историческiй очеркъ нѣкоторыхъ памятниковъ церковнаго законодательства, послужившихъ источниками для Номоканона, и разсматриваетъ судьбу ихъ въ Греци и въ Россiи. Здѣсь же, на основанiи обзорѣнiя источниковъ Номоканона, онъ опредѣляетъ время его происхожденiя въ Греческой церкви.

Оставляя въ сторонѣ послѣднюю часть введенiя, гдѣ авторъ излагаетъ судьбу изданнаго имъ памятника въ Греци, о Горчаковъ заключаетъ свою рецензiю опредѣленiемъ вообще значенiя разсмотрѣннаго имъ труда въ нашей литературѣ. Книга г. Павлова, говоритъ онъ, есть «первое научное изслѣдованiе о внѣшней исторiи и историко-каноническомъ достоинствѣ Номоканона при Требникѣ, основанное на внимательномъ и подробномъ изученiи исторiи источниковъ церковнаго законодательства, впервые объясняющее многiя стороны изслѣдуемаго предмета и проливающее свѣтъ на такую область въ исторiи источниковъ русскаго церковнаго права, которая по преимуществу нуждается въ научныхъ разъясненiяхъ. Сочиненiе г. Павлова должно послужить прочнымъ началомъ для научныхъ изслѣдованiй объ эпитимiйныхъ номоканонахъ, употреблявшихся въ Русской церкви, и о законодательствѣ ея относительно эпитимiи и началъ церковно-дисциплинарнаго суда. Написано оно столь основательно, осторожно и согласно съ началами научныхъ и церковныхъ воззрѣнiй на исторiю развитiя церковнаго права, что въ этомъ отношенiи можетъ служить образ-